

Мария Ганькина

Китайские секреты русской грамотности

Большая игра в каллиграфию

Когда в школе отменили чистописание, все облегчённо вздохнули. И я в том числе. Пожалуй, только в Китае всё ещё любят чистописание. И то лишь потому, что оно там называется «каллиграфия».

Каллиграфией мы занялись нечаянно. Правда, вначале она у нас оказалась «грязнописанием». Но неожиданно мы наткнулись на ту дорогу, что ведёт к грамотности. Случилось это, к сожалению, не в первом классе, а в четвёртом.

Работа переписчика-каллиграфа отличалась от урядного переписывания в тетрадь упражнений по русскому языку. Поменялся угол зрения на текст. Самое обычное слово, тысячу раз слышанное, вдруг становилось ещё и видимым. Включился механизм всматривания, задержки зрения, при посредстве которого накапливаются наблюдения над языком и который потом, в свою очередь, включает интуицию.

Уже за полгода занятий каллиграфией мои четвероклассники сделали явный скачок в грамотности. Я всё думаю: почему, в чём секрет? И мне хочется заглянуть в самое начало.

ЛЕВОЙ ПЯТКОЙ

Началось с выставки тетрадок по русскому языку. Конец второго класса. Экспозиция лучших (наичистейших) страниц называлась «Высунув язык», худших (наигрязнейших) – «Левой пяткой».

Несмотря на множество прививок и профилактических мер, моё тогдашнее состояние было паническим в отношении тетрадей. Всё то, чем гордится традиционная школа (поля, 1 см слева, 2 см справа, ровненько, чистенько, и «травка зеленеет», и «солнышко блестит») напрочь отсутствовало у нас. Я, конечно, понимала всю эфемерность тамошнего благополучия. Но экспозиция впечатляла и звала к борьбе. Бороться я не стала – был конец года.

На следующий вдруг выяснилось, что победитель конкурса «Левой пяткой» Катя (кстати, её тогда награ-

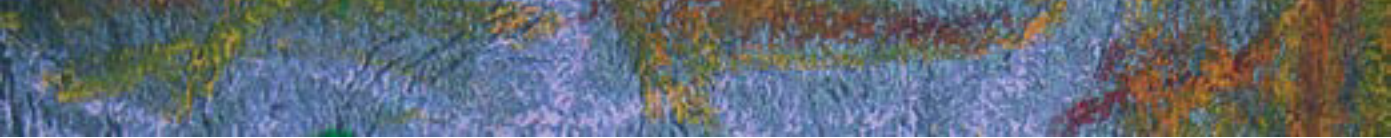
дили, и, по крайней мере, внешне она была довольна не меньше обладательницы лучшей страницы Ксюши) стала находить вкус в том, чтобы здраво располагать материал в поле страницы, аккуратно писать и не унавоживать тетрадь чернилами. Катя, которую умная мама лишила опеки ещё в самое трагическое первоклашное время, потихоньку разобралась со своими делами, именно, своими (не без слёз, конечно) и сделалась ученицей гораздо раньше остальных.

Сейчас я знаю, что всему свое время. Если не нарушать естественный ход событий. А то оно может и вовсе не наступить. Те дети, которым учителя или родители задавали жёсткие рамки поведения в тетради, ещё долго не могли полюбить свои тетрадки.

СУПРЕМАТИЗМ НА ПОЛУ

В общем, я периодически была взволнована проблемой оформления тетрадей. И вдруг (это был четвёртый класс) я услышала от Вячеслава Михайловича Букатова слово «каллиграфия». Как-то так всё сошлось, что он подбросил нам детские книжки, в которых тексты были оформлены рукописными шрифтами, а у моего коллеги, Сергея Плахотникова, ещё в первом классе родители смастерили подставки для письма.

Ну, вот. Берём подставку, деревянную ручку-макалку, бутылочку с чернилами (справа), промокашку, тряпицу (слева), к подставке резиночкой прикрепляем особую каллиграфическую тетрадь (четырёхстрочную, вроде нотной) и начинаем красиво писать. «Красиво» – это как? А так, как в трёх наших книжках: «Тереме-теремке» – с образцом славянского письма; «Шторме» – с витиевато написанной «Песней старых мореходов с допотопных пароходов» (а потому этот образец получил у нас название «19-й век»); и в «Мастере Маноле» – с буквами, напоми-

нающими готические, которые «в народе» стали называться просто «Манолов».

Итак, располагая тремя образчиками письма, мы стали их осваивать, толком не владея собственным почерком. Вот вам и вся каллиграфия. И больше ничего за душой не было, в смысле каких-то познаний. О наклоне, нажиме, уставе, темпе я узнала много позже. Лёгкость в мыслях необыкновенная.

Вход в каллиграфию был таинственный, с придыханием. Одно это слово – «каллиграфия», которое тут же было выведено («высунув язык») на титульном листе тетради, – чего стоит.

За подставками ходили вниз, в класс к Сергею Владимировичу, – «след в след», на цыпочках, чтобы не мешать третьеклашкам. А чернила были вовсе не чернила, а – тушь! Чёрная тушь на красном паласе, которым был покрыт пол, – супрематизм!

Время от времени супрематическими становились портфели и стены. Если рожи были просто грязные, то язык окрашивался в чёрный цвет равномерно. На перемене коллеги деликатно подсказывали мне, где утереться («Золушка ты наша»). Причем этот макияж не отмывался даже мылом.

И все в школе знали, что у нас сегодня каллиграфия.

АРОМАТ ЭПОХИ

Начали с «19-го века». Во первых строках появились загогулины, которыми изобилует «Песня старых мореходов».

Народ тут же признал в них родные «пилю бревно», «морячок качается» и «с горки на горку» (см. росчерки для обучения письму, предложенные в книге Е.Е. Шулешко «Понимание грамотности», М., Мозаика-Синтез, 2001). С них мы начинали каждый урок. Это была разминка.

Потом мы стали учиться писать заглавные буквы, а поскольку в «Шторме» их было штук 6-7, то остальные пришлось выдумывать. Выдумывали на доске мелом, парочку лучших (а уж это на твой вкус!) втискивали в четырёхстрочные тетради.

На каждую заглавную букву выдумывали «старинное» имя, в следующей строке – имя какого-нибудь литературного или исторического персонажа (с моей подачи).

Кто эти люди? Я пользовалась моментом внимания, чтобы рассказать, показать портреты и т. д. И неоднократно убеждалась в том, что эта информация, подсунутая «как бы между прочим», цепко сидит в детской памяти. (В отличие от урока, который надо на следующий день от-ветить, а, значит, от-делаться, от-дать.) Мои ребята, будучи теперь шестиклассниками, продолжают удивлять меня репликой: «Ну, как же вы не помните, вы нам в первом классе рассказывали»(!?)

В каллиграфской тетрадке живут и Людвиг ван Бетховен, и Евгений Онегин, и Жанна д'Арк и Уильям Шекспир, и Ганс-Христиан Андерсен, Ромео и Джульетта, граф де ля Фер, Гай-Юлий Цезарь... Тщательно выводя «Натали Гончарова», мои ребята – я надеялась – ощутят «чистейшую прелесть» самой Н. Н. и, так сказать, аромат эпохи. Мне казалось, что каллиграфия плюс мои рассказы «про это» выстраивают ту самую чувственную подложку под будущий курс истории, литературы. Собственными руками воссоздаётся кусочек эпохи. И вот за линией, завитушкой, буквой – уже речь, одежда, лица, страны, народы, события.

И, наконец, в следующей строке мы (я – на доске) писали целую фразу. Непременно изысканную: «Низкий Вам поклон», «Сделайте милость», «Премного благодарен», «Не откажите в любезности» и т. д.

На большую перемене во время завтрака потом можно было услышать:

– Милостивый Государь, не откажите в любезности. Если Вас не затруднит, передайте, пожалуйста, неподгорелый блин.

– Ха-ха-ха...

Я обнаглела и задала («Ура!!!») отскеренное домашнее задание по каллиграфии. Так вот, большинство на следующий же день сообщило мне со сладостнейшей улыбкой, что они – «уже». А урок каллиграфии – ровно через неделю.

Игровые приёмы обучения

Поначалу то ежедневное тягoмoтнoе время перед уроками, когда учителя нет или не все пришли и запросто можно начать слоняться, а то и вовсе распоясаться, проводили так: народ (попки кверху) обсуждал чью-нибудь каллиграфскую работу.

ЕДИНИЧКА, НАВЕСИК, ПУФИК

Строчные буквы мы писали поэлементно. Элементы – ровно те, что давались при обучении письму в нашем первом классе, с обязательными «пол-листиком» и «верхним/нижним соединениями». (Мне показалась счастливой мысль вернуть четвероклассников в ту «доисторическую» эпоху.) Но! С неизменными росчерками, завитушками и пересечениями букв.

Тут же родилась идея писать незнакомый текст под диктовку по элементам. Быть «диктофоном» (он один видит текст) престижно. Лес рук. Тянули жребий. Однако в самом начале я вместе со всеми писала под диктовку. Писала на доске мелом, чтоб видно было, – подстраховывала. Потом это стало не нужно.

А вот как выглядит та самая диктовка, которая произвела на Вячеслава Михайловича впечатление. Он ещё сказал: «Высший пилотаж».

По считалочке выбирается «диктофон». Ему выдается книга с нужным текстом. Он начинает писать, одновременно озвучивая все свои действия, начиная с «открываем бутылочку с тушью, берём ручку, обмакиваем в тушь». Один только «диктофон» знает текст, остальным же объявляется не слово, не слог, даже не буква(!), а всего лишь следующий элемент.

«Диктофон»:

– Заглавная «п» с пузырьком и большой шляпой (это легко) – «о»-элемент с петелькой – единичка – волна – пол-листика – «е»-элемент в нижнее соединение – хотушка – гармошка – «с»-элемент – «е»-элемент – пробел – единичка – навесик – пуфик – «о»-элемент с петелькой – левая щечка – нос с усами – правая щечка – «е»-элемент... (Должно получиться *Понеже кофе сушит лавини известном и почил то кива*.)

Пока все элементы безошибочно не выпишешь – понять текст, который достался «диктофону», невозможно! Опять же бывало, что высказывалась благодарность «диктофону» за точную работу. Это когда в тетрадках наконец появлялся текст: элементы складывались в слова, слова – в предложения...

По мере возрастания мастерства все большая свобода стала проявляться в написании букв. Каллиграфическая вязь перестала пугать, рука стала размашистей, линия смелей. «Маноле» и «кириллицу» они освоили сами, без меня, у доски. Вначале сводили на кальку, после переписывали текст в тетрадь. В некоторых тетрадках можно наблюдать по три-четыре попытки: выбиралась высота,

густота и толщина букв. Отдельные попытки обильно политы добровольными слезами.

ЛЁД ТРОНУЛСЯ

О неожиданностях. Начиналась наша каллиграфия как пропедевтические упражнения. Разок в неделю. Хотелось сделать акцент на некоей культуре писания и обхождения с тетрадью. И всё. Сколько это продлится, никто не знал. Можно было повалить дурака и бросить.

Но у нас дело приняло крутой оборот. Ажурное слово «каллиграфия» запорхало по нашей школе. Это было открытием для всех – что «я могу так писать» или «он может так писать». Вокруг тетрадей собирался народ. Восклицательный знак был высшей оценкой того места, где «получилось». Эти места смаковались и всем миром подвергались тщательному анализу.

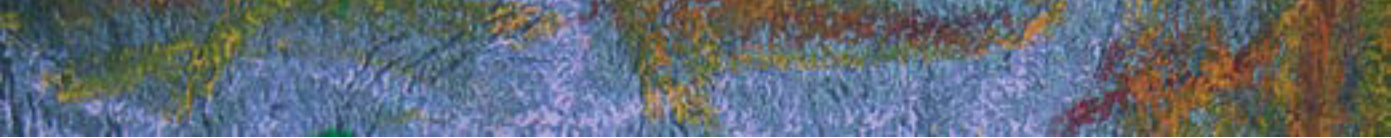
Успешность в таком ни на что не похожем деле, как каллиграфия, была непредсказуема. Вдруг стали заметны некоторые люди, в сторону которых головы наших образцово-показательных дев раньше поворачивались только с материнским вздохом: «Ох уж этот Андрей!» Или: «Конечно, это Сашка, кто ж ещё!»

Можно было заняться вышиванием гладью или выпиливанием лобзиком. Но мы занялись каллиграфией. И Пашка (имя ученика изменено), привыкший учиться из-под палки, сам себе удивился: чего, дескать, это ему работать вдруг приспичило?! Засуетился, и вид у него сделался деловой.

А я уж было Пашку оплакала. Он пришёл к нам из класса «развивающего обучения». Всё боялся что-то не успеть записать, глаза пустые. «Да что ты там строчишь, Паша! Ты лучше понять попытайся!» Скажи ему, что дважды два будет пять, – с жаром согласится. На вопросы не отвечал по причине потения и трясения рук. Какой уж тут вкус к учёбе? Отсидеть бы 35 минут урока.

Реанимационный период затянулся на год. Я уже отчаялась: ничем не интересуется, книжки не читает, в малых группах не работает, не слышит, не видит, исподтишка поругивается, задирается. Ком непонимания по всем предметам растёт и усугубляет отчуждение от дела, от ребят, от всей нашей общей жизни...

Наконец, лёд тронулся. И тут вдруг мама отправляет его в санаторий на всю четверть! Я совершаю ошибку, заявляя ей, что она губит собственного сына. Но Пашка при этом, скорее, не хочет ехать в санаторий, чем хочет. Это была победа. Ведь здесь «пахать» надо, а в санатории – «халавя».

Его всё же отправили. Известия доходили такие: получает там какие-то «пятёрки», «пораньше» вернуться не хочет, ему там якобы хорошо. А я, к стыду своему, надеялась, что ему там скучно будет... На новогодний спектакль к нам не пришёл. Ну, думаю, «позарастали стёжки-дорожки». Придётся всё начинать с нуля...

Но нет. Гляжу: оклемался недели через две. Появились глаза. Потом улыбка. Откуда? А попал с корабля на бал. Мы тут затеяли каллиграфический журнал. Пишем Козьму Пруткову. Вдруг Пашка:

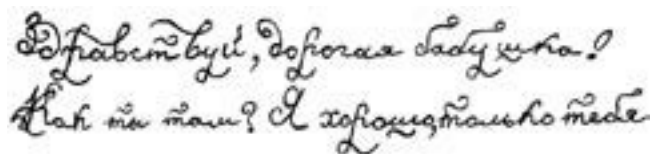
- Дайте мне ещё одну «афоризму» написать!
- Ещё?!

Корифеи кинулись к Пашкиной парте – смотреть. Такие дела...

А Санёк в «распоясанный» период своей жизни (скорбные взгляды дев) вызвал народное восхищение тем, что начал писать по-каллиграфически в тетради по русскому языку, да ещё фломастерами всех цветов. На этом он не остановился и постепенно охватил каллиграфией тетрадки по всем предметам, даже по математике!

Почти все так или иначе переболели этой заразой: кто диктанты писал с каллиграфическими наворотами, кто – письмо бабушке в Оренбург.

(Письмо Оли С. любезно предоставлено ее ошарашенным папой, срочно отскерено и только после этого благополучно отправлено бабушке. Кстати, Оля – «новенькая», и вживалась в нашу каллиграфию долго и трудно).

Личная переписка велась таким же манером. Как-то раз с пола я подобрала пустой самодельный почтовый конверт с довольно изысканной надписью.

«Каллиграфия» стала узнаваться повсюду: на вывесках магазинов, на этикетках товаров, на обложках книг, на стендах дома-музея Васнецова, на надгробных плитах

в Донском монастыре, на иконах, в тетрадках по физике: «Ой, смотрите, каллиграфия!!!»

А тишайший Саша П., новенький, – его в первый раз заметили как раз на каллиграфии! Разбирали неподписанные работы: где – чья.

– Это Сашки! Не видишь, как красиво?! (Это реплика Веры. А её мнение в этом деле что-нибудь да значит.)

АВТОР И ПЕРЕПИСЧИК

Книжку тут нам подкинули любопытную – «Письмовник» профессора и кавалера Николая Курганова. Сборник анекдотов 18-го века.

Уж как они старались, чтоб им было смешно! Увы. Зато после 18-го века Козьма Прутков пошёл на ура. Они смеялись даже на афоризм «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя»!

Тексты из «Письмовника» и Козьмы Пруткова писали для издания в классном журнале «Ижица» под диктовку разных «диктофонов». «Письмовник» транслировался на всех. А вот с Прутковым вышло иначе. Чтобы как можно больше «плодов раздумий» попало на страницы журнала, каждый получил свою «афоризму» и продиктовал её соседу.

Первым лениво встал со своей парты уложенной кро-
важки самым старшим вол-
чонюк -

Игровые приёмы обучения

Только в этой работе приоритеты были расставлены правильно: прежде всего – нажим и наклон (или отсутствие наклона – в кириллице). Многие понимали, что без нажима и наклона им в журнал не попасть, но ничего с собой поделывать так и не смогли: выдержать стиль до конца оказалось нелегко. Их бескорыстный труд (только красоты ради) побудил меня издать почти все написанные экземпляры одних и тех же текстов. Читатель, прочти их как разные!

кусок яблока. Вернулся червяк
домой, а там: покрывало разо-
рвано, диванчик перевернут.
Опечалился Червяк и умер
от отчаянья. *Конец*

В классном литературно-каллиграфическом журнале «Ижица» много разных историй, сочинявшихся в течение полугода и проживавшихся на уроках литературы, чтения, риторики и каллиграфии.

Автор у них – один, переписчик – другой. «Свяжитесь глазами с разведчиком (случайным партнёром) и обменяйтесь тетрадками (с сочинениями)», – так автор и переписчик нашли друг друга.

Десять человек из пятнадцати не сломались и довели дело до конца. Переписчику надо было из четырёх освоенных шрифтов выбрать один – подходящий к жанру сочинения. Ну, тут сыграли свою роль и личные пристрастия. Но, глядите-ка, русские народные сказки оказались переписаны «кириллицей». Романтическая история про грустного принца-Червяка и его царство-яблоко – готическим «маноло». А вот бытовая история про червяка, который отправился погостить к соседу в Листовку, вернулся в свою Грушовку – а дом разорён, и червяк умер от отчаянья, – оказалась переписана мужественным шрифтом по прозвищу «старичок»:

ЧТО ПОД МАСКОЙ?

Именно за эти полгода мои ученики сделали большой скачок в грамотности. Им пришлось много переписывать. Но как это переписывание отличается от переписывания в тетрадь упражнений по русскому языку! Каждое слово было в маске, и потому так хотелось под неё заглянуть. Поменялся угол зрения. Самое обычное слово, тысячу раз слышанное, вдруг становилось ещё и видимым.

Именно в этот период на меня обрушилась лавина сладостных вопросов: «Мария Владимировна, а какой в этом слове корень? суффикс? а это что – приставка?», – и т.д. Включился механизм «ночного видения», всматривания, задержки зрения, при посредстве которого накапливаются наблюдения над языком и который потом, в свою очередь, включает интуицию.

У человека с так называемой врождённой грамотностью этот механизм видения (оппозиция «слух – зрение») таинственным образом включается в раннем детстве, как только он выучивается читать. Чем больше он читает, тем менее одиноким становится для него слово. Оно больше не болтается щепкой в безбрежном океане речи, а постепенно обзаводится родственниками и приятелями, вкусами и привычками. В голове маленького человека подсознательно складывается сложнейшая классификационная работа. Слово (словосочетание, предложение), отнесясь к какому-либо классу явлений и подчиняясь его законам, обзаводится определённым образом жизни, манерой поведения. И становится уже невозможным написать его иначе, чем увидел в тексте... Наивно?

Но я верю, что кому-то этот механизм видения ещё не поздно включить.

НА ЗАВАЛИНКЕ

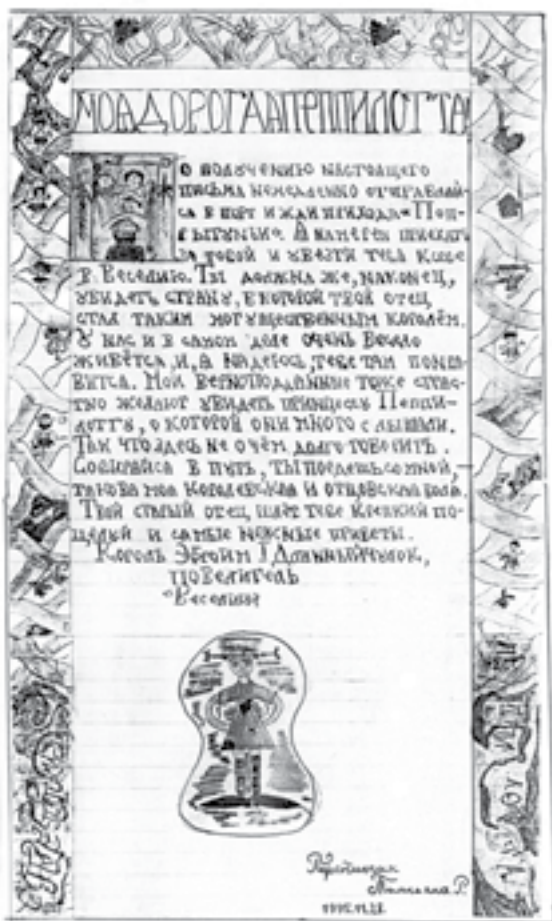
Завалинка (а попросту стул на сцене, то бишь у доски) – это такое место, куда выходишь, чтобы прочесть своё сочинение. Попросту стул на сцене. Это место мне кажется замечательным. Все истории из наших классных литературно-каллиграфических журналов прочитывались на завалинке. Это были уроки чтения, русского языка, стилистики, литературного мастерства и чисто-

писания одновременно. И тот самый механизм видения включался ещё как! А Андрей и Оля именно на завалинке и выучились по-хорошему читать.

Завалинка – потому что сказки (с них-то все и началось) бабушки и дедушки рассказывают своим внукам (или студентам-фольклористам) непременно на завалинке. А ещё потому, что на завалинке можно *завалиться* – запутаться в собственном почерке или предложении.

Человек выходит читать свой черновик. Без домашней тренировки не выдержишь образ рассказчика, а то и вовсе завалишься, ведь текст-то *письменный!* Вот так пару раз оплошаешь: не разберёшь собственные каракули, не восстановишь ход собственной мысли – станет стыдно, и волей-неволей станешь выстраивать предложения и писать аккуратней.

Книжка от Князя...
Писана...
Князь...

Слушатели же всегда чем-то озадачены: или ищут законы сказки, которые сами же и вывели, или считают запятые (предложения, абзацы), или ищут, за что похвалить, но главное – думают, как сделать историю интересней. Поначалу речь шла, конечно, не о языковых

средствах, а о каких-то сюжетных ходах. Ты мог оставить всё, как есть, или воспользоваться советом. Когда на завалинку приносили второй, доработанный, вариант (хотя, казалось бы, никто ж не заставляет и отметок нет!), я ловила свой педагогический кайф. Такой внимательной, настоящей (ни шороха!) тишины я ещё не слышала. А чтение иногда длилось часами – не хотели расходиться, пока все всё не прочтут.

ДРЕВНИЕ РУКОПИСИ

Дальше были летние каникулы. Я не знала, продолжать мне каллиграфию в пятом классе или нет, но по инерции продолжила. В сентябре думаю: пора «прикрывать лавочку». И тут на глаза сначала попался учебник по палеографии, потом книжица под названием «Древнерусское декоративно-прикладное оформительское искусство» – и я поняла: каллиграфия только начинается!

Было отксерено всё, что только можно: потрясающее юбилейное издание «Песни о вещем Олеге», странички древних рукописей с заставками, инициалами, орнаментами, миниатюрами, а главное – славянские шрифты на любой вкус. Было решено готовить выставку имитаций «чудом уцелевших» страниц древних рукописей.

Тут уж было всё по науке. Каждый чувствовал себя зубром, когда имел дело с инициалом. Каждый выбрал себе работу по вкусу: текст по вкусу, шрифт по вкусу, заставку, орнамент. Инициалы сочинялись на ИЗО и – чудесные. Но на миниатюру решились немногие.

Вторая четверть – сплошной карантин по гриппу. Страницы оформлялись, по большей части, дома. Вести с фронтов: у кого-то сестрёнка пролила воду на почти готовую работу, у кого-то расплылись чернила...

Выставка пришлось как раз на время новогодних праздников. В традиции нашей школы выносить на праздник итоги той или иной работы в предмете – в чтении, риторике, театралке, литературе, музыке, рисовании, рукоделии.

а этот раз в канву новогоднего представления была вплетена наша «Выставка имитаций древних рукописей». В антрактах спектакля по ней водили экскурсии. Выставка размещалась на стенке вдоль лестницы с первого этажа на второй. Здесь можно было увидеть не только странички из древней Псалтири, «Домостроя», Евангелия или сборника русских пословиц, но и письмо Татьяны к Онегину, Пушкина к жене или Пеппи Длинныйчулок к отцу, африканскому королю Эфроиму Первому...

(Фрагмент книги М. Ганькиной «Грамматическая аптечка, изд-во «Генезис», М., 2010)

